

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Леонид МЛЕЧИН

СТАЛИН

VS

ТРОЦКИЙ

Вспомнить всё

Леонид Млечин
Сталин VS Троцкий

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Млечин Л. М.

Сталин VS Троцкий / Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6040606-0-5

Сталин и Троцкий неминуемо должны были столкнуться. Борьба этих двух вождей Советской России определила не только личную судьбу почти всех сколько-нибудь крупных политиков и военачальников, а, по существу, и страны в целом. Дело в том, что борьба за власть в двадцатые годы прошлого столетия носила более серьезный характер, чем принято считать. В столкновении Сталина и Троцкого, казалось, решался вопрос о том, кто после Ленина станет хозяином. В реальности это столкновение отразило спор о том, по какому пути идти России, какое будущее ее ждет.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6040606-0-5

© Млечин Л. М., 2018

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2018

Содержание

От автора	5
Горячий оратор	8
История с немецкими деньгами	12
Революция в день рождения	17
«Берите иностранные дела»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

СТАЛИН VS ТРОЦКИЙ

Леоид Млечин Сталин vs Троцкий

От автора

20 августа 1940 года в далекой Мексике был смертельно ранен Лев Давидович Троцкий – может быть, самый ненавидимый в России человек. Он же – ближайший соратник Ленина, бывший председатель Реввоенсовета Республики, бывший нарком по военным и морским делам, бывший член политбюро ЦК партии большевиков.

«Не будь меня в 1917 году в Петербурге, – записывал Троцкий в дневнике, уже находясь в изгнании, – Октябрьская революция произошла бы – при условии наличия и руководства Ленина. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться. В этом для меня нет ни малейшего сомнения...»

Сегодня историки подтвердят: Троцкий при всем своем самомнении не преувеличивал своих заслуг. 25 октября 1917 года большевики взяли власть в столице под руководством председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Льва Давидовича Троцкого. И не известно, победила ли бы советская власть в Гражданской войне, если бы Троцкий за несколько месяцев не создал Красную армию и не руководил ею железной рукой.

Сталин и Троцкий неминуемо должны были столкнуться.

Борьба этих двух вождей Советской России определила не только личную судьбу почти всех сколько-нибудь крупных политиков и военачальников, а, по существу, и страны в целом. Красная армия почти с самого начала оказалась заложницей взаимной ненависти Иосифа Ста-

лина и Льва Троцкого. Почти все военачальники, выдвинутые Троцким в годы Гражданской войны, в первую очередь военные профессионалы, бывшие офицеры царской армии, были уничтожены Сталиным – как раз накануне Великой Отечественной...

«Но что мне, – записывал в дневнике поэт Александр Трифонович Твардовский, – до этой «борьбы титанов»-этого грузина и этого еврея, полем состязания которых была русская жизнь, деревня, крестьянство – о которых они знали по книгам, суммарным понятиям, и обоим, в сущности, было ни холодно ни жарко от живой судьбы мужика, человека, людей, родины (где она у них!)».

Все дело в том, что борьба за власть в двадцатые годы прошлого столетия носила более серьезный характер, чем принято считать. В столкновении Сталина и Троцкого, казалось, решался вопрос о том, кто после Ленина станет хозяином. В реальности это столкновение отразило спор о том, по какому пути идти России, какое будущее ее ждет.

После окончания Гражданской войны и принятия новой экономической политики страна находилась на распутье. Путь к тоталитарному правлению вовсе не был предопределен. В Советской России и при большевиках мог сложиться жесткий, даже авторитарный режим (как и в большинстве европейских стран в те годы), но без репрессий, раскулачивания и уничтожения крестьянства и даже с некоторыми демократическими институтами. И, как многие другие европейские государства, которые в двадцатые годы прошли через авторитарное правление, Россия постепенно двигалась бы к полноценному многопартийному демократическому устройству.

История полна мифов. Не было ни троцкизма – как организованного политического течения, ни троцкистов – как верных сторонников Льва Давидовича. В начале двадцатых годов пока еще была возможна какая-то дискуссия, наиболее образованное, думающее меньшинство партии большевиков пыталось предложить более мягкую модель развития. Троцкий, как популярнейшая фигура в стране, оказался неформальным лидером этого направления или, точнее, выразителем его идей. Он даже не пытался создать некую оппозицию. Не вербовал себе сторонников. Ортодоксальный марксист, он не был жестоким или мстительным и всего лишь критиковал сталинскую командно-административную систему управления государством.

Более того, Лев Троцкий не претендовал на роль лидера страны и вообще не стремился к первым ролям. Будучи по натуре скорее одиночкой, он более всего был склонен к литературному труду. Если бы исполнилась воля Ленина и Сталина убрали с поста генерального секретаря, главой партии и государства оказался бы вовсе не Троцкий, а какой-то другой человек. Скажем, вполне разумный Алексей Иванович Рыков. Совсем не сложно предположить, как сложилась бы история нашей страны. Не было бы массовых расстрелов, лагерей, голода, близорукой внешней политики. Гитлер или не решился бы напасть на Советский Союз, или Красная армия, в которой не уничтожались бы годами командные кадры, не пустила бы вермахт дальше Днепра...

Но к власти пришел Иосиф Виссарионович Сталин, создавший в стране тоталитарную систему, что обошлось России в миллионы жертв. Замечательный писатель Михаил Михайлович Пришвин записал в дневнике 4 июля 1930 года:

«Можно думать, что личная диктатура должна завершить революцию неизбежно, потому что из множества партий у нас после падения царизма в конце концов взяла верх одна и уничтожила все другие – так точно и внутри партии происходит отбор личностей, исключаящий одного, другого до тех пор, пока не останется личность одна. Теперь это Сталин, человек действительно стальной...»

Вот человек, в котором нет даже и горчичного зерна литературно-гуманного влияния: дикий человек Кавказа во всей своей наготе. Мистика погубила царя Николая II, словесность погубила Керенского, литературность-Троцкого. Этот гол, прям, честен, вообще прост, как полицейский пристав из грузин царского времени...»

Не по этой ли причине Сталин одержал победу над Троцким?

«Спор с Троцким, – писал один из руководителей эсеровской партии Виктор Михайлович Чернов, – Сталин разрешил навсегда, да так ловко, что не оставил Троцкому возможности ни апелляции, ни кассации».

Но теперь-то мы можем здраво взглянуть на наше прошлое, разобраться в нем и судить ключевые фигуры нашей истории по справедливости. Так зачем Иосиф Виссарионович Сталин убил Льва Давидовича Троцкого?

Горячий оратор

Кто сейчас поверит, что в годы Гражданской войны и сразу после нее политзанятия в Красной армии начинались с темы «Вождь и создатель Красной армии товарищ Троцкий»? В казармах и красных уголках воинских частей висели портреты Льва Давидовича Троцкого, председателя Реввоенсовета Республики, наркома по военным и морским делам. И красные командиры клялись Троцкому в верности и вечной любви.

В те годы имена Ленина и Троцкого звучали вместе. И враги, и друзья называли их вождями революции. Из всех большевиков только они двое обладали качествами, необходимыми для того, чтобы взять власть и не уступить ее.

«Бесспорно, Лев Троцкий, – писал выдающийся философ Николай Александрович Бердяев, – стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ...»

В 1917 году Троцкий присоединился к большевикам, считая, что прежние разногласия не имеют значения. Он полностью поддержал Ленина, и дальше они шли вместе. На заседании Петроградского комитета партии сразу после революции Ленин сказал, что отныне нет лучшего большевика, чем Троцкий. Эту речь Ленина до перестройки не публиковали – именно из-за слов о Троцком.

В революционный год Лев Давидович оказался одной из самых заметных фигур в бурлящем Петрограде. Он отсидел в царских тюрьмах четыре года, еще два года был в ссылке. Дважды бежал из Сибири. Это прибавляло ему авторитета в дискуссиях. Он был фантастически умелым оратором. Его выступления буквально завораживали.

«Троцкий в истории нашей партии явился несколько неожиданно и сразу с блеском, – так Анатолий Васильевич Луначарский начинает свой очерк о председателе Реввоенсовета, написанный в 1919 году, – Я считаю Троцкого едва ли не самым крупным оратором нашего времени.

Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика – вот достоинства речи Троцкого...

Я видел Троцкого говорящим по два с половиной – три часа перед совершенно безмолвной, стоящей притом же на ногах аудиторией, которая как зачарованная слушала этот огромный политический трактат».

Иван Куторга, активист партии кадетов, оставивший воспоминания об ораторах 1917 года, писал о Троцком:

«На крестьянском съезде он выступал среди предельно враждебной ему аудитории. Казалось, большевистский оратор не сможет сказать ни единого слова. И действительно, вначале оборончески и эсеровски настроенные делегаты прерывали Троцкого на каждом слове. Через несколько минут своей находчивостью и страстностью Троцкий победил аудиторию настолько, что заставил себя слушать. А окончив речь, он даже услышал аплодисменты».

«Троцкий был, несомненно, прекрасным оратором, – свидетельствует член Минского совета рабочих и солдатских депутатов Вацлав Сольский, – но помню, меня несколько отталкивало то, что он был оратором слишком эффективным, то есть таким, который искал эффектов и умел их находить».

В те годы проявился и публицистический талант Троцкого, весьма литературно одаренного. Блистательный социолог Питирим Сорокин, в те месяцы принимавший активное участие

в политической жизни, вспоминал не без удовольствия: «Великолепны были саркастические статьи Троцкого, в которых он бичевал и осмеивал своих оппонентов, в том числе и меня. Отличная сатира».

Философ Федор Степун говорил об июльских днях 1917 года: «Особенно шумный успех имел Троцкий, умный, горячий и смелый оратор, с криво сидящим на нервных ноздрях пенсне и демонически-петушиной шевелюрой».

Но Троцкий блистал не только на митингах. У него был организаторский дар. Это проявилось еще в первую русскую революцию.

«В беспорядке революции, – вспоминал он, – сейчас же начинает формироваться новый порядок, люди и идеи естественно распределяются по новым осям. Сплошным безумием революция кажется тем, кого она отмечает и отвергает. Для нас революция была родной стихией».

В октябре 1905 года председателем Петербургского совета рабочих депутатов избрали адвоката-меньшевика Петра Алексеевича Хрусталева (настоящее имя – Георгий Степанович Носарь, партийный псевдоним – Юрий Переяславский). Хрусталев-Носарь начал революционную деятельность, еще будучи студентом Петербургского университета вместе с эсером-боевиком Борисом Викторовичем Савинковым, потом примкнул к меньшевикам.

«Роль Хрусталева-Носаря, – вспоминал художник Юрий Павлович Анненков, – была в той революции значительной, и его прозвали даже «вторым премьером». Как известно, премьером (председателем Совета министров) тогда был граф С.Ю. Витте.

Мне запомнился посвященный им обоим шуточный куплет, бывший популярным среди петербургской публики:

*Премьеров стал у Росса
Богатый инвентарь:
Один премьер – без носа,
Другой премьер – Носарь.*

У графа Витте нос был скомканный и в профиль был незаметен, как у гоголевского майора Ковалева».

Но очень быстро в Петербургском совете главной фигурой стал Лев Троцкий. Анатолий Луначарский, будущий нарком просвещения, вспоминал потом, как кто-то сказал в присутствии Ленина:

– Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете – Троцкий.

Ленин, который в работе Совета участия не принимал, как будто омрачился на мгновение, а потом сказал:

– Что ж, Троцкий заслужил это своей неустанной и яркой работой.

После ареста в ноябре Носаря-Хрусталева председателем Петросовета избрали Троцкого. Впрочем, скоро арестовали и самого Льва Давидовича. Ни допросы, ни камера его не испугали. На суде он вел себя очень смело.

«Популярность Троцкого среди петербургского пролетариата, – продолжает Луначарский, – ко времени ареста была очень велика... Я должен сказать, что Троцкий из всех социал-демократических вождей 1905–1906 годов, несомненно, показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным, меньше всего на нем было печати некоторой эмигрантской узости, которая, как я уже сказал, мешала в то время даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое государственная борьба. И вышел он из революции с наибольшим приобретением в смысле популярности: ни Ленин, ни Мартов не выиграли, в сущности, ничего. Плеханов очень много проиграл... Троцкий же с тех пор стал в первый ряд».

Троцкий сидел в «Крестах», в Петропавловской крепости. Тюремный режим был либеральным. В камере он много писал, адвокаты выносили его рукописи на волю. В 1907 году

его лишили всех гражданских прав и приговорили к вечному поселению в Сибири. По дороге Троцкий бежал. Четыре года прожил в Вене, где с октября 1908 года издавал газету «Правда». Выходила она, как правило, два раза в месяц, в Россию ее доставляли контрабандой. Во время Первой мировой в Париже выпускал газету «Наше слово». Осенью 1916 года по настоянию российского посольства французские власти выслали его в Испанию, в Мадриде его сразу арестовали и посадили в тюрьму, а затем выслали в Соединенные Штаты.

Некоторые авторы утверждают ныне, что Троцкий был агентом американцев, что революция творилась на американские деньги и что у него самого были в Соединенных Штатах немалые материальные интересы. Эта версия – для тех, кто вовсе ничего не знает. Троцкий не хотел ехать в США, его выслали за океан, потому что ни одна европейская страна в Первую мировую не соглашалась принять русского революционера. В Соединенных Штатах он пробыл совсем недолго, историкам известен буквально каждый его шаг. Надо еще заметить, что американское общество в ту пору весьма мало интересовалось российскими делами.

«Больше всего легенд существует, кажется, насчет моей жизни в Соединенных Штатах, – писал сам Троцкий. – Если собрать приписанные мне газетами приключения, получилась бы, вероятно, гораздо более занимательная биография... Я писал статьи, редактировал газету и выступал на рабочих собраниях».

Троцкий провел в Нью-Йорке всего два месяца.

С женой и двумя детьми Лев Давидович приплыл в Нью-Йорк. Путешествие продолжалось семнадцать дней.

Вспоминал через много лет, как в порту они подверглись бесцеремонному медицинскому осмотру:

«На Наташе была вуаль. Врач, интересующийся трахомой, заподозрил неладное за вуалью, быстро приподнял ее и сделал движение пальцами, чтоб приподнять веки... Н. не протестовала, ничего не сказала, не отступила, она только удивилась, вопросительно взглянула на врача, лицо ее занялось легким румянцем. Но грубоватый янки сразу опустил руки и виновато сделал шаг назад, – такое неотвратимое достоинство женственности было в ее лице, в ее взгляде, во всей ее фигуре... Помню, какое у меня было чувство гордости за Наташу, когда мы с парохода переходили по сходням на пристань Нью-Йорка».

На нью-йоркском пирсе его встретили представители Общества по предоставлению убежища и помощи иммигрантам. Поселили Троцкого на 164-й улице, в квартире, за которую платил восемнадцать долларов в месяц, с неслыханными в Европе удобствами: электричество, газовая плита, ванная, телефон, автоматическая подача продуктов наверх и такой же спуск мусора вниз.

15 января 1917 года в газете «Нью-Йорк колл» появилось интервью с Троцким: «Я не революционер. Я ученик Карла Маркса, великого немецкого социалиста. Я мирный человек, и моя жизнь была посвящена попытке добиться согласия между странами».

Несколько недель Троцкий был главным автором радикальной газеты «Новый мир» на русском языке. Вместе с ним работал Николай Иванович Бухарин, с которым мало в чем соглашались. Троцкий активно занимался делами американской Социалистической партии. Много работал в Нью-Йоркской публичной библиотеке, изучал американскую экономику. Выступал с лекциями – на русском и немецком, получал десять долларов за лекцию. Пребывание в Нью-Йорке считал незначительным эпизодом.

В одной из нью-йоркских библиотек Троцкий изучал хозяйственную жизнь Соединенных Штатов. Цифры роста американского экспорта за время войны поразили его. Они были настоящим откровением. Эти цифры предопределили не только вмешательство Америки в войну, но и решающую роль Соединенных Штатов после ее окончания.

На митинге Троцкий говорил: «Европа разоряется. Америка обогащается. И, глядя с завистью на Нью-Йорк, я, еще не переставший чувствовать себя европейцем, с тревогой спра-

шиваю себя: выдержит ли Европа? Не превратится ли она в кладбище? И не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда, в Америку?»

Когда пришли сообщения о Февральской революции, эмигрантский Нью-Йорк пришел в волнение. Американские журналисты обращались к Троцкому за интервью. Лев Давидович твердо говорил, что после Керенского власть возьмет партия русского пролетариата. Ему никто не верил. Он сразу заторопился в Россию. Проблема была в получении транзитных виз через Европу. Февральская революция все изменила: российский генеральный консул в Нью-Йорке, уже расставшийся с портретом императора Николая II, выдал Троцкому необходимые документы.

«Сказать, что я познакомился с Нью-Йорком, – говорил Троцкий, – было бы вопиющим преувеличением. Я успел уловить разве лишь общий ритм жизни такого чудовища, которое зовется Нью-Йорком. Я уезжал в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул внутрь кузницы, где будет выковываться судьба человечества».

В эмиграции он провел почти двенадцать лет. Но радость от скорого возвращения домой оказалась преждевременной. Норвежский пароход сделал остановку в канадском порту Галифакс. Здесь полиция ссадила Троцкого с семьей и отправила в лагерь, где держали военнопленных: «Здесь нас подвергли обыску, какого мне не приходилось переживать даже при заключении в Петропавловскую крепость. Ибо раздевание донага и ощупывание жандармами тела в царской крепости производились с глазу на глаз, а здесь, у демократических союзников, нас подвергли бесстыдному издевательству в присутствии десятка человек».

Временное правительство мечтало вечно держать Троцкого подальше от России, под охраной полиции, но вмешался Петроградский совет, в конце апреля 1917 года его освободили и посадили на датский пароход, идущий в Европу.

История с немецкими деньгами

4 мая Троцкий прибыл в Петроград и сразу оказался в центре политической борьбы. Он сыграл ключевую роль в событиях лета и осени 1917 года, когда Ленин, спасаясь от ареста, покинул Петроград и скрывался.

Полковник Генерального штаба Борис Владимирович Никитин, начальник военной контрразведки Петроградского военного округа в 1917 году, считал лидеров большевиков платными немецкими агентами и пытался их посадить. 1 июля 1917 года он подписал двадцать восемь ордеров на арест. Список открывался именем Ленина. Никитин взял с собой помощника прокурора и пятнадцать солдат и поехал на квартиру Ленина, который жил на Широкой улице.

«Оставив на улице две заставы, мы поднялись с тремя солдатами по лестнице, – писал Никитин. – В квартире мы застали жену Ленина Крупскую. Не было предела наглости этой женщины. Не бить же ее прикладами. Она встретила нас криками: «Жандармы! Совсем как при старом режиме!» и не переставала отпускать на ту же тему свои замечания в продолжение всего обыска... Как и можно было ожидать, на квартире Ленина мы не нашли ничего существенного...»

Воспоминания об октябре 1917 года не оставляют сомнений: Ленин, спасаясь от ареста, исчез. Многие обвиняли его в трусости, в том, что он сбежал в решающий момент. Казнь старшего брата, Александра Ульянова, возможно, наложила неизгладимый отпечаток на психику Владимира Ильича.

Контрразведке удалось через какого-то сапожника, чинившего ботинки родственнице Троцкого, выяснить, где находится Лев Давидович. Туда выехал энергичный офицер комендантского управления капитан Соколов с караулом. Около пяти утра капитан Соколов вернулся с унылым видом и без арестованного.

– Что случилось? – удивленно спросил Никитин.

– Войдя в дом, где живет Троцкий, я встретил Чернова, – доложил капитан. – Он приказал вам передать, что Керенский и Временное правительство отменили арест Троцкого.

Виктор Михайлович Чернов, один из основателей партии эсеров, занял пост министра земледелия во Временном правительстве. Он был обязан Троцкому жизнью. Это произошло в разгар июльских событий в Петрограде, когда Чернова возле Таврического дворца схватила толпа, готовая его растерзать. Но, на счастье Виктора Михайловича, откуда-то появился Троцкий. Эту сцену описал военный моряк, заместитель председателя Кронштадтского совета Федор Федорович Раскольников, который привел к дворцу балтийских матросов:

«Трудно сказать, сколько времени продолжалось бы бурливое волнение массы, если бы делу не помог т. Троцкий. Он сделал резкий прыжок на передний кузов автомобиля и широким энергичным взмахом руки человека, которому надоело ждать, подал сигнал к молчанию. В одно мгновение все стихло, воцарилась мертвая тишина.

Громким, отчетливым металлическим голосом Лев Давидович произнес короткую речь, закончив ее вопросом:

– Кто за насилие над Черновым, пусть поднимет руку.

Никто даже не приоткрыл рта, никто не вымолвил слова возражения.

– Гражданин Чернов, вы свободны, – торжественно произнес Троцкий, обращаясь всем корпусом к министру земледелия и жестом руки приглашая его выйти из автомобиля.

Чернов был ни жив ни мертв. Я помог ему сойти с автомобиля, и с вялым, измученным видом, нетвердой, нерешительной походкой он поднялся по ступенькам и скрылся в вестибюле дворца. Удовлетворенный победой, Лев Давидович ушел вместе с ним».

Долг платежом красен. Узнав о готовящемся аресте Троцкого, Чернов нашел главу Временного правительства Александра Федоровича Керенского, который взял на себя еще и обязанности военного и морского министра, и убедил его отменить приказ, а сам бросился спасать своего недавнего спасителя.

Никитин был возмущен и отправился к командующему Петроградским военным округом генералу Половцеву. Он спал в маленькой комнате при штабе. Никитин бесцеремонно потряс генерала за плечо и выпалил:

– Прошу сейчас меня уволить в отставку. Я больше служить не могу и не хочу.

– Подожди, подожди, – пытался успокоить его Половцев. – Да ты объясни сначала, в чем дело.

Никитин коротко доложил.

– Вот как? – удивился уже окончательно проснувшийся генерал. – Что же я могу сделать, если это приказание военного министра? Могу тебе только посоветовать одно – поезжай к генерал-прокурору и обжалуй распоряжение.

Через два часа Никитин явился в дом министра юстиции. Его обязанности временно исполнял Скарятин. Он выслушал начальника контрразведки и обещал немедленно внести протест. В одиннадцать утра Скарятин позвонил Никитину и извиняющимся голосом сообщил, что постановление правительства об отмене ареста Троцкого является окончательным.

О намерении арестовать Троцкого узнал весь Петроград. К начальнику контрразведки с протестом явилась группа возмущенных членов Петроградского совета, что характерно – не симпатизировавших большевикам.

– Как? Вы хотели арестовать Троцкого? – В их вопросе Никитин услышал даже не упрек, а некое сострадание, словно начальник контрразведки был не в своем уме.

– Да, и сейчас этого требую!

– Но ведь это Троцкий! Поймите – Троцкий! – наперебой говорили депутаты.

По словам Никитина, постановление об аресте Ленина протеста не вызвало.

Тем временем следственные органы Временного правительства пришли к выводу, что лидеры большевиков в первых числах июля пытались поднять вооруженное восстание против государственной власти. Большевиков объявили контрреволюционерами.

Ленин обреченно сказал Троцкому:

– Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент.

«Одной из главных причин того, что симпатии к Ленину лично, а следовательно, и к большевикам, в это время сильно пали, я вижу в его нежелании предстать перед судом, – вспоминал польский социалист Вацлав Сольский, член Минского совета рабочих и солдатских депутатов. – На массы такого рода вещи, а в поведении Ленина массы усматривали прежде всего личную трусость, действуют гораздо сильнее, чем самые серьезные политические обвинения. Ленина на митингах гораздо реже обвиняли в том, что он германский агент, чем в том, что он струсил и спрятался в то время, когда его друзья и товарищи по партии арестованы».

За две недели до этого русская армия начала наступление на Юго-Западном фронте. За ним двинулся вперед и Западный фронт. Но немцы быстро перешли в контрнаступление, и русские войска сначала остановились, а потом и отступили. Но почему? Кто виноват? Плохие командиры, недостаток оружия и боеприпасов? Или предательство?

3 июля в Петрограде начались волнения. Совпадение мятежа с немецким наступлением казалось очевидным доказательством того, что мятеж организован на немецкие деньги. Именно тогда заговорили о предательстве большевиков, о том, что они выполняют задания немецкого Генерального штаба.

Судебное следствие по «делу большевиков» вела Петроградская окружная палата. Следователи опирались на показания прапорщика 16-го Сибирского полка Дмитрия Спиридоновича Ермоленко. Он попал в плен к немцам еще в ноябре четырнадцатого года. В мае семнадца-

того его задержали при попытке перейти линию фронта. О нем начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Антон Иванович Деникин 16 мая доложил военному министру Керенскому.

Ермоленко на допросах показал, что в начале войны попал в плен, а в 1916-м был завербован немцами и обещал им добиваться сепаратного мира с Германией и отделения Украины. Прапорщик утверждал, что Ленин послан в Россию той же целью. Ермоленко был несколько раз контужен еще в Русско-японскую войну и производил впечатление психически нездорового человека. На допросах он выдвигал совершенно фантастические идеи.

Тем не менее именно на основании его показаний Ленину, Зиновьеву, Троцкому, Луначарскому, Коллонтай, Раскольникову и другим вождям большевиков намеревались предъявить обвинение в том, что они совместно с агентами враждебных государств, которые дали им денег, дезорганизовали армию и тыл и подняли в Петрограде 3–5 июля вооруженное восстание.

В качестве свидетеля был привлечен Георгий Валентинович Плеханов. Один из основателей российской социал-демократии не любил Ленина. С его точки зрения, «неразборчивость» Ленина могла толкнуть его на то, что он «для интересов своей партии» мог воспользоваться средствами, «заведомо для него идущими из Германии». Плеханов обратил внимание на то, что немецкая печать «с нежностью» говорит о Ленине как об «истинном воплощении русского духа». Но и Георгий Валентинович считал своим долгом заметить, что говорит «только в пределах психологической возможности» и не знает ни одного факта, который бы свидетельствовал о том, что эта возможность «перешла в преступное действие».

«Велась и пропаганда посредством кино, – вспоминал современник. – Отчетливо помню фильм о том, что в России произошла революция, но революции угрожает опасность со стороны Германии, которая засылает своих агентов и самый опасный из них выступает в Петрограде. Фамилия Ленина в фильме не произносилась, но актер был на него похож и произносил большевистские речи. Картина была интересная, актеры прекрасно играли. Она шла очень долго, все о ней говорили».

После войны генерал Эрих Людендорф, который руководил всеми операциями немецкой армии на Восточном фронте, утверждал, что Ленин и Троцкий были тайными агентами правительства Германии. Если Людендорф писал это всерьез, значит, немецкие разведчики надули своего генерала, уверяя, что им удалось заагентурить большевиков. Цену себе набивали! Теперь уже известно, что успехи немецких разведчиков на Восточном фронте были очень скромными.

Ленин не отказался бы от немецких (и от любых иных) денег – в денежных делах он не был щепетилен. Он заключил бы союз с самим дьяволом, если бы это помогло ему совершить революцию и взять власть. И точно так же забыл бы о своих обязательствах.

Конечно, революция в России была спасением для немецкой армии, которая смогла перебросить части на Запад, чтобы противостоять Антанте. Но Ленин требовал прекратить войну не ради немецких денег, а потому что солдаты не хотели воевать! В 1917 году действующая армия насчитывала больше семи миллионов человек, и от них зависела судьба страны. Они мечтали вернуться домой и разделить между собой помещичьи и государственные земли. Ленин понял: привлечь солдат на сторону большевиков можно только обещанием немедленно закончить войну, демобилизовать армию и отпустить одетых в серые шинели крестьян домой – к семьям и земле.

Министр юстиции Временного правительства и верховный прокурор Павел Николаевич Малянтович распорядился «Ульянова-Ленина Владимира Ильича арестовать». Ленин и близкий к нему Григорий Евсеевич Зиновьев, член ЦК и один из редакторов «Правды», скрылись из города, боясь суда и тюрьмы. «Ленина нет, – вспоминал потом большевик Николай Иванович Муралов, который стал командующим Московским военным округом, – а из остальных один Троцкий не растерялся».

Троцкий написал открытое письмо Временному правительству: если Ленина осмеливаются называть немецким шпионом, тогда и он просит считать его шпионом. Троцкий сам требовал ареста и гласного суда.

23 июля Троцкого арестовали. Он дал показания в письменной форме. Он утверждал, что ни он сам, ни ЦК большевиков не призывали солдат к вооруженному восстанию и выступление 1-го пулеметного полка было для всех неожиданностью. Разумеется, он наотрез отвергал возможность сговора большевиков с германским правительством.

Исполнявший в тот момент обязанности министра юстиции во Временном правительстве Александр Алексеевич Демьянов – один из создателей партии народных социалистов, депутат второй Думы и член Петросвета, вспоминал:

«Троцкий был привлечен к уголовной ответственности по «делу о большевиках». Но событие, в котором он принимал участие, стояло во всем деле совершенно особняком. Его обвиняли, и это было исключительно одно обвинение, в том, что, будучи на каком-то собрании рабочих в Народном доме, он произнес зажигательную речь, призывая к убийству Керенского.

Сообщение об этом сделали двое офицеров, якобы слышавших эту речь. Троцкого арестовали. Он полностью отрицал возводимое на него обвинение. Был допрошен ряд свидетелей, посторонних Троцкому, участвовавших в собрании, которые мало того что отрицали приписываемые Троцкому слова, но показали, что Троцкий старался, наоборот, успокоить расходившуюся тогда толпу. Никаких призывов он тогда вообще не делал.

Сообщал мне о ходе предварительного следствия прокурор палаты Карчевский, сказав, что Троцкого в тюрьме по такому обвинению держать абсолютно нельзя. Я отлично понимал, что судебная следственная власть не решится, хотя имеет право, совершенно самостоятельно решать такой вопрос, выпустить на волю такую птицу, как Троцкий, без благословения свыше. Это благословение я ей и дал.

Однако я понимал, что освобождение Троцкого из-под ареста вредно. Поэтому я попросил предварительно освобождения Троцкого доставить мне весь следственный материал, его касающийся, и ознакомился с ним подробно.

Освобожденного Троцкого встретили в Совете рабочих и солдатских депутатов с триумфом. А в тот же день управляющий делами Совета министров – Гальперн предупредил меня, что на вечернем заседании Совета министров у меня попросят объяснения по «делу Троцкого». Я этого ожидал, и предупреждение Гальперна не застало меня врасплох.

В Совете во время заседания я получил записку сначала от Гальперна, который вновь предупреждал меня о готовящемся запросе, а затем получил записку и со стороны Терещенко, председательствовавшего тогда в Совете. Объяснение мне предстояло дать в конце заседания, когда вопросы по повестке будут исчерпаны.

Я дал свое объяснение в твердом тоне. Я рассказал, в чем заключается обвинительный материал по «делу Троцкого», объяснил, что определение об освобождении Троцкого из-под ареста дано судебной следственной властью, что авторитет ее должен быть во всяком случае поддержан, что по существу она в данном деле совершенно права, сказал далее, что Министерство юстиции должно всегда стоять на страже закона и не допускать, чтобы его могли не только обвинять, но даже подозревать в том, что по его распоряжению могут содержать людей в тюрьме по одним лишь политическим соображениям, что во всяком случае я, пока буду во главе Министерства, этого никогда не допущу.

Объяснения мои были приняты благосклонно. Многие говорили мне, что они вполне разделяют мою точку зрения и что запрос не имел другой цели, как ознакомление с делом. Один только министр внутренних дел Никитин (московский присяжный поверенный, по партии социал-демократ) мимоходом заметил, что о выпуске на волю Троцкого нужно было предупредить Министерство внутренних дел, что таково было соглашение с Министерством юстиции, когда дело касалось заметного лица.

Никитин был в известном смысле прав; но я лично не знал, что существовало такое соглашение. Я виноват только, что не догадался, по собственному почину, предупредить Никитина. Но никто не мешал Никитину, как министру внутренних дел, сделать, если он находил это нужным, распоряжение о новом аресте Троцкого в административном порядке. На его месте я бы это сделал и не побоялся бы сделать это».

Но никто во Временном правительстве не решился оставить популярного Троцкого за решеткой. Его продержали в «Крестах» два месяца и вынуждены были освободить под залог в три тысячи рублей. Деньги выделил Совет профсоюзов Петрограда. Внесла залог его сестра – Ольга Давидовна, жена видного большевика Льва Борисовича Каменева.

Революция в день рождения

Тюремное заключение еще прибавило Троцкому уважения среди петроградских рабочих. Член ЦК большевиков Урицкий восхищенно говорил в те дни будущему наркому просвещения Луначарскому:

– Вот пришла великая революция, и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого.

Оценка неточная, писал Луначарский, «но действительно в тот период, после первого громового успеха его приезда в Россию, Ленин несколько стушеввался, не очень часто выступал, не очень много писал, а руководил главным образом организационной работой в лагере большевиков, между тем как Троцкий гремел в Петрограде на митингах...»

Анжелика Балабанова, видный деятель Коминтерна, вспоминала то время:

«Из всех русских революционеров Ленин внешне казался самым бесцветным. Его выступления в то время также не произвели на меня никакого впечатления ни манерой подачи, ни содержанием. Троцкий, с которым я познакомилась позднее, был гораздо более яркой фигурой и эффектным оратором, хотя некоторые его манеры и его самоуверенность временами меня раздражали».

Первые месяцы Троцкий держался отдельно от Ленина, хотя они придерживались одних и тех же взглядов. Балабанова недоумевающе спросила Владимира Ильича:

– А в чем разница между большевиками и Троцким? Почему он держится в стороне от вашей группы и создает другой документ?

– Вы что, не понимаете? – резко ответил он. – Амбиции, амбиции, амбиции!

Но логика развития событий быстро соединила двух вождей русской революции. На VI съезде партии Троцкого приняли в партию большевиков и включили в состав Центрального комитета. После освобождения из тюрьмы избрали председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Он стал одним из главных руководителей Великой Октябрьской революции.

Вся подготовка вооруженного восстания практически шла без Ленина.

«После июльского бегства личное влияние Ленина падает по отвесной линии: его письма опаздывают, – писал полковник Никитин. – Чернь подымается. Революция дает ей своего вождя – Троцкого... Троцкий на сажень выше своего окружения...»

Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит. Клянется Троцкий, клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта. Троцкий родился для революции, он не бежал... Октябрь Троцкого надвигается, планомерно им подготовленный и технически разработанный. Троцкий – председатель Петроградского совета с 25 сентября – бойкотирует предпарламент Керенского. Троцкий – председатель Военно-революционного комитета – составляет план, руководит восстанием и проводит большевистскую революцию...

Троцкий постепенно, один за другим переводит полки на свою сторону, последовательно день за днем захватывает арсеналы, административные учреждения, склады, вокзалы, телефонную станцию...»

В отсутствие Ленина Троцкий оказался в Петрограде на главных ролях. Он методично привлек на свою сторону весь столичный гарнизон. Уже 21 октября гарнизон признал власть Совета рабочих и солдатских депутатов. С этого дня столица принадлежала уже не Временному правительству, а Троцкому. За несколько дней до революции Леонид Борисович Красин (соратник Ленина и будущий нарком внешней торговли) в письме жене, остававшейся за границей, живописно обрисовал ситуацию в Петрограде:

«Питер поражает грязью и какой-то отрешенностью, запустением. Улицы и тротуары залиты жидкой грязью. Питер имеет вид города если не оставленного жителями, то, во вся-

ком случае, населенного пришельцами, настолько мало заинтересованными в каком-либо благоустройстве, что они не считают нужным делать самого элементарного ремонта.

По погоде настроение у толпы более кислое и злое, чем летом, да и в политике идет какая-то новая анархистско-погромная волна. Испуганные обыватели стрепетом ждут выступления большевиков, но преобладает мнение, что у них ничего не выйдет...»

На стороне Временного правительства оставалась только Петропавловская крепость. Туда поехал Троцкий. Он выступил на собрании гарнизона, и солдаты приняли решение поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов.

«Во время Февральской революции, – вспоминал очевидец, – лица в толпе были радостные, царствовало приподнятое настроение, незнакомые люди обнимались, всех ораторов охотно слушали. Осенью все было наоборот. Над страной нависла злоба – злоба всех против всех».

Все знали, что большевики готовятся взять власть, но никто не решился им помешать. 25 октября красногвардейцы захватили телеграф, городскую и центральную телефонные станции. Телефоны Зимнего дворца, где находилось Временное правительство, были отключены. Большевики контролировали и радиосвязь. В распоряжении Смольного была радиостанция крейсера «Аврора» и радиостанция «Новая Голландия» Главного штаба Военно-морского флота.

В Зимний дворец стянули всех, кто откликнулся на призыв защитить Временное правительство, – школы прапорщиков из Ораниенбаума, Петергофа, Константиновское артиллерийское училище... Появились казаки, инвалиды – георгиевские кавалеры, ударная рота женского батальона смерти. Начальник инженерной школы прапорщиков полковник Ананьев, назначенный ответственным за оборону Зимнего дворца, разработал план действий. Но план тут же начал рушиться. Артиллеристы раздумали защищать Временное правительство, покинули дворец и увели свои орудия. За ними ушли казаки.

При наличии войск и решительности командиров оборону можно было держать довольно долго. Но не было ни того ни другого. В Зимнем дворце царил хаос. Офицеры не доверяли друг другу, потому что одни уже готовы были перейти на сторону большевиков, вторые напились, третьи просто хотели убежать, чтобы не подвергать риску свою жизнь.

«В молочном тумане над Невой, – вспоминал художник Юрий Анненков, – бледнел силуэт «Авроры», едва дымя трубами. С Николаевского моста торопливо разбежались последние юнкера, защищавшие Временное правительство. Уже опустилась зябкая, истекавшая мокрым снегом ночь, когда ухнули холостые выстрелы с «Авроры». Это был финальный сигнал.

Добровольческий женский батальон, преграждавший подступ к Зимнему дворцу, укрывшийся за дровяной баррикадой, был разбит. Дрова разлетелись во все стороны. Я видел, как из дворца выводили на площадь министров, как прикладами били до полусмерти обезоруженных девушек и оставшихся возле них юнкеров...»

Зимний дворец перешел в руки большевиков без боя. Комиссия Петроградской городской думы позднее установила, что жертвами стали три женщины-солдатки, которых изнасиловали, и еще одна, покончившая жизнь самоубийством.

Появилась, по описанию очевидца, «маленькая фигурка с острым лицом в темной пиджачной паре с широкой, как у художников, старой шляпчонкой на голове». Это был секретарь Петроградского военно-революционного комитета прапорщик Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. Он и арестовал Временное правительство.

II съезд Советов, к которому был приурочен военный переворот в Петрограде, открылся в Смольном институте в день рождения Льва Троцкого – 25 октября.

Решающую ночь Октябрьского восстания Троцкий провел на третьем этаже Смольного в комнате Военно-революционного комитета. Оттуда он руководил действиями военных частей. К нему пришел Лев Борисович Каменев, который был против восстания, но счел своим долгом быть рядом в решающую минуту.

В первую годовщину Октябрьской революции Сталин писал в «Правде»:

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому».

Пока брали Зимний дворец, в Смольном институте заседал съезд Советов. На трибуну вышел Троцкий:

– От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!

Известный художник Юрий Анненков, оставивший замечательные воспоминания «Дневник моих встреч», пишет, что в зале вспыхнула овация.

– Отдельные министры подвергнуты аресту, – продолжал Троцкий. – Другие будут арестованы в ближайшие часы.

Зал опять заплодировал.

– Нам говорили, – продолжал Троцкий, – что восстание вызовет погром и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Обыватель мирно спал и не знал, что одна власть сменялась другой.

И тут он увидел, что в зале появился Ленин, и объявил:

– В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появиться среди нас... Да здравствует возвратившийся к нам товарищ Ленин!

7 ноября 1917 года французский военно-морской атташе телеграфировал в Париж:

«Большевистское движение, руководимое неким Троцким, председателем Совета, кажется, достигло успеха. Правительство Керенского не является более хозяином положения. Говорят, что Керенский арестован. Министерство еще не образовано. Перестрелки на улицах Петрограда. Ситуация тяжелая».

Троцкий по значимости в революционном движении был человеком того же уровня, что и Ленин. Как уже говорилось выше, из всех вождей большевиков только они двое способны были взять власть и не уступить ее.

«Если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, – считал Троцкий, – они, по всей видимости, не взяли бы ее совсем».

Добавим, что если бы в ту пору в Петрограде не было ни Ленина, ни Троцкого, то Октябрьской революции не было бы вовсе. История России пошла бы иным путем.

Сотрудник французской миссии в России Жак Садуль, наблюдавший обоих вождей, писал:

«Ленин и Троцкий – люди действия, вожди толпы, каких я еще не видел. Они смогли завоевать и удержать, несмотря на всю клевету, в самых сложных условиях поразительный авторитет. Они обладают в высшей степени всеми качествами и недостатками великих политических и религиозных вождей – железной волей, невероятной выдержкой, восторженной убежденностью, верой, которая сдвигает горы и разбивает все преграды...»

Представляю, что у учеников Лютера, сторонников Робеспьера, старой гвардии Наполеона не было столь слепой веры в их идола, столько почитания, сколько их проявляют по отношению к Ленину и Троцкому красногвардейцы, матросы и рабочие, составляющие главное и прочное ядро большевистских сил.

Троцкий часто рассказывает мне, как глубоко его впечатляют неизменное бескорыстие, абсолютная преданность своему лидеру, которые проявляют к нему его обездоленные друзья, и какую силу придает ему эта любовь. Когда он говорит о своих пламенных и самоотверженных бойцах, его голос, столь часто насмешливый и резкий смягчается. Самого его охватывает

какое-то нежное чувство, какое очень редко заметишь у этого нервного, холодного и желчного человека...»

Не только в Октябре семнадцатого, но и до конца Гражданской войны у большевиков было два вождя – Ленин и Троцкий. Остальных армия и страна почти не знала.

– Я Троцкого по авантюризму, властолюбию, жестокости ставлю на одну доску с Лениным, – говорил академик Александр Николаевич Яковлев, бывший член политбюро, который больше кого бы то ни было в России видел архивных документов. – Это были способные люди. Умели писать, умели убеждать. Находили серьезные аргументы.

«Ленин и Троцкий, – считает Ахмед Ахмедович Искендеров, член-корреспондент Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы истории», – люди с огромной силой воли и духа, невероятно стойкие, обладавшие личным мужеством, умением своевременно и энергично реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, принимать неординарные решения, свободные от всяких схем и догм, уверенные в себе, способные своим ораторским искусством убеждать широкие массы в правоте своих взглядов и вести их за собой, отстаивать свою позицию, не считаясь ни с чем, абсолютно свободные от чувства страха, всегда уверенные в победе.

Именно благодаря этим своим качествам, а также острому уму, прирожденной склонности к глубокому анализу и широким обобщениям, они смогли накануне Октябрьских событий переломить политическую ситуацию в стране и в собственной партии и добиться победы, в которую мало кто верил из тогдашних российских политиков...»

Жестокость Троцкого и Ленина все же не носила тотального характера. Этим они отличались от Сталина.

Дочь Льва Николаевича Толстого Александра Львовна, попавшая в руки чекистов, так описывала ход процесса, когда в зале суда появился Троцкий, чтобы заступиться за одного из подсудимых:

«Вдруг все заволновались в зале, засуетились, задвигались, даже среди судей произошло какое-то едва заметное движение. Незаметно по зале рассыпалась толпа подозрительных штатских, в дверях и проходах показались остроконечные шапки чекистов. И не спеша, уверенной, спокойной походкой вошел человек в пенсне с взлохмаченными черными волосами, острой бородкой, оттопыренными мясистыми ушами.

Он стал спокойно и красиво говорить, как привычный оратор. Говорил он о молодом ученом, о том, что такие люди, как этот ученый, нужны Республике, что он столкнулся с его работой и был поражен ее ценностью. Говорил недолго и, когда смолк, так же спокойно вышел, а в зале, как после всякого выдающегося из обычных рамок события, на секунду все смолкло. Стала постепенно удаляться ворвавшаяся в залу охрана, рассеялись подозрительного вида штатские, и суд пошел своим чередом.

Мне было непонятно, почему этому временно выброшенному на поверхность, обладавшему неограниченной властью человеку, под руководством которого были расстреляны тысячи, почему ему пришла фантазия заступиться за молодого ученого?»

«Берите иностранные дела»

Троцкий мечтал быть писателем, журналистом. Власть пришла к большевикам так быстро и неожиданно, что Лев Давидович еще и не успел решить, чем станет заниматься. На заседании ЦК Ленин предложил назначить его председателем Совета народных комиссаров. Тот отказался.

– Почему же? – настаивал Ленин. – Вы же стояли во главе Петроградского совета, который взял власть.

Но Троцкий понимал, что этот пост должен принадлежать Владимиру Ильичу как лидеру победившей партии. Тогда Ленин потребовал, чтобы Троцкий возглавил ведомство внутренних дел: борьба с контрреволюцией важнее всего. Лев Давидович сказал, что охотнее всего он продолжил бы занятия журналистикой. Тут уже был против секретарь ЦК Яков Михайлович Свердлов:

– Это мы поручим Бухарину.

Практичный Свердлов и нашел работу для Троцкого:

– Льва Давидовича нужно противопоставить Европе. Пусть берет иностранные дела.

– Какие у нас теперь будут иностранные дела? – недоуменно пожал плечами Ленин, как и все, ожидавший мировой революции, но, подумав, согласился.

Таким образом первым министром иностранных дел Советской России стал Троцкий. Он занимал этот пост меньше пяти месяцев, с 8 ноября 1917-го до 13 марта 1918 года.

В студенческие годы автор этой книги участвовал в научной конференции в Московском государственном институте международных отношений (кузнице кадров МИД), посвященной «первому министру иностранных дел Чичерину». Будущим советским дипломатам не следовало знать, что первым все-таки был Троцкий...

К своей дипломатической деятельности Лев Давидович отнесся несколько легкомысленно, потому что ясно было, что сейчас не это главное. С утра до вечера он был занят делами Петроградского совета и Военно-революционного комитета. Когда один из старых большевиков попросился к Троцкому в наркомат, тот ответил:

– Жаль брать вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только затем, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку.

Конечно, эти слова Троцкого – или вежливый отказ, или шутка. Хотя он явно исходил из того, что судьба революции решается не на дипломатическом поприще. Троцкий говорил, что мировому пролетариату дипломатия не нужна, трудящиеся поймут друг друга и без посредников. По словам историков, он вообще не мог понять, как это революционер может хотеть быть дипломатом? Дипломатия считалась в Смольном бранным словом, тайная дипломатия, безусловно, осуждалась.

Более того, ожидание мировой революции делало дипломатию ненужной. Ленин недаром говорил: «Наше дело – есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской Республики». А если во всем мире победит революция, то какая может быть дипломатия между революционерами?

Перед Троцким стояла одна практическая задача – вывести Россию из войны. Для этого следовало связаться с воюющими державами. Кроме того, быстро выяснилось, что революционная власть, взявшись управлять государством, все же должна исполнять определенные обязанности – по крайней мере до наступления мировой революции.

Аппарат Министерства иностранных дел советское правительство не признавал и исполнять его приказы не собирался. Леонид Борисович Красин не без злорадства писал своей семье, заблаговременно отправленной подальше от России:

«Большевики, видимо, обескуражены единодушным бойкотом всех и вся (рассказывали курьеры о визитах новых «министров» в свои министерства, где все их встречали заявлением о непризнании – начиная с товарища министра и кончая швейцарами и курьерами), бойкот этот угрожает остановить всю вообще жизнь столицы, и всем начала делаться ясной необходимость какого-то выхода, а именно – образования нового министерства, несомненно уже социалистического, ответственного перед Советами...

Большевистское правительство в отчаянном положении, ибо бойкотистская тактика всех учреждений создала вокруг него торричеллеву пустоту, в которой гложут все его декреты и начинания... Разруха растет, с каждым днем близится призрак голода, и если так пойдет дальше, мы можем докатиться до стихийного взрыва анархии, которая помимо неслыханных бедствий отдаст страну в руки какого-нибудь крутого взявшего в руки палку капрала».

Леонид Красин считал необходимым сформировать коалиционное правительство разных социалистических партий. В принципе в те первые дни большевики были готовы частично делиться властью – они отдали несколько министерских постов левым эсерам. Но правые эсеры и правые меньшевики проявили удивительный максимализм: требовали либо полного ухода большевиков, либо как минимум отстранения Ленина и Троцкого, что было невозможно. Правые социалисты не понимали, что теряют последний шанс направить Россию по нормальному пути развития.

Через неделю Красин сообщал семье в новом письме:

«Прошла неделя, а воз и поныне там! Большевики, разбив Керенского и завладев Москвой, не идут ни на какие соглашения, жарят себе ежедневно декреты, работа же всякая оставливается, транспорт, продовольствие гибнут, армии на фронтах начинают умирать с голода.

Все видные большевики (Каменев, Зиновьев, Рыков (Алексей-заика) *etc.*) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь, не избежать нам полосы всеобщего и полного паралича всей жизни Питера, анархии и погромов.

Соглашения никакого не получается, и виноваты в этом все: каждый упрямо, как осел, стоит на своей позиции, как большевики, так и тупицы социалисты-революционеры и талмудисты меньшевики. Вся эта революционная интеллигенция, кажется, безнадежно сгнила в своих эмигрантских спорах и безнадежна в своем сектантстве...»

Даже Леонид Красин, который близко знал лидеров большевиков, не понимал овладевшей ими жажды власти. Ленин был готов отдать полстраны, лишь бы оставалась возможность управлять другой половиной. Троцкий же и на высших постах оставался литератором и публицистом, каким он был все последние годы.

Профессор Московского университета, историк Юрий Владимирович Готье в апреле 1918 года записал в дневнике:

«Вчера в музей явилась особа низенького роста, с южным говором и курносим носом – оказалось, г-жа «Троцкая», желавшая получить «Киевскую мысль» за 1915 и 1917 г. для своего «супруга»; была очень вежлива. Я ей указал, что необходимы известные формальности, с чем она согласилась.

Сегодня она явилась, разодетая богато, но безвкусно, на автомобиле с солдатом, который стоял перед ней навтыжку, и получила свою «Киевскую мысль» в обмен на письмо к «Гражданину Библиотекарю Румянцевского музея, профессору Ю.В. Готье», в котором со всеми буржуазными предрассудками, вроде «честь имею просить» и «прошу принять уверение», г. Л. Троцкий просил о выдаче ему журнала (так в подлиннике) не более как на две недели...»

Жена Троцкого Наталья Ивановна Седова заведовала музейным отделом Наркомата просвещения. Троцкий был в Первую мировую корреспондентом ежедневной «Киевской мысли» в Париже. Наверное, хотел перечитать свои корреспонденции...

Через день после революции в Министерство иностранных дел приехал угрюмый и молчаливый Урицкий, который со временем станет председателем Петроградской ЧК и будет убит. Урицкий предъявил мандат Военно-революционного комитета, которым он назначался «комиссаром при Министерстве иностранных дел». Он обошел здание министерства и уехал. Мидовскими делами он больше не занимался.

Когда в министерстве появился Троцкий, он обратился к дипломатам с небольшой речью. Но в этой аудитории он большого впечатления не произвел. Никто не верил, что большевики сумеют сохранить власть. А раз так, то что с ними церемониться?

Директор департамента общих дел Министерства иностранных дел Владимир Лопухин вспоминал, как бывший исполняющий обязанности поверенного в делах в Абиссинии Борис Чемерзин пытался укорить наркома:

– Вы Бронштейн, а не Троцкий. Присваивая себе не принадлежащее вам имя, вы являетесь самозванцем.

Троцкий спокойно ответил, что сколько-то лет непре-кращающейся борьбы и подполья, чередовавшихся с заключениями в царских тюрьмах, когда по необходимости приходилось измышлять себе «боевую кличку» политического борца, в достаточной степени оправдывают присвоенное конспиративное имя, под которым он, Троцкий, и наиболее известен в политических кругах. По словам возмущенного этим эпизодом дворянина Лопухина, «выходка Чемерзина прозвучала фальшью конфузной фанфаронады». В приличном обществе считалось постыдным раскрывать псевдонимы, чтобы тыкать в нос еврейским происхождением...

Сам Троцкий вспоминал об этой встрече так:

«Я НКВД долго не посещал, так как сидел в Смольном. Вопрос был военный – наступление на нас Краснова, были собрания представителей от заводов и масса других дел... Ни входов, ни выходов мы не знали, не знали, где хранятся секретные документы; а Петербургский совет довольно нетерпеливо ждал секретных документов. У меня лишнего времени не было съездить, посмотреть. Когда я один раз приезжал, причем это было не в первый день, а дней через пять – семь после взятия нами власти, то мне сказали, что никого здесь нет...

Я потребовал собрать тех, которые явились, и оказалось потом, что явилось колоссальное количество... В двух-трех словах я объяснил, что кто желает добросовестно служить, тот останется на службе. Но я ушел несолоно хлебавши...»

Тогда Троцкий потребовал, чтобы все руководители отделов сдали дела его новым помощникам. Утром старшие дипломаты собрались и решили, что они не станут служить большевистскому правительству. Не по политическим причинам, а потому что они были напуганы и обижены радикальными речами большевиков, которые собирались покарать всех царских чиновников. Как же служить тем, кто желает твоей смерти? Был и другой мотив: а ну как большевиков скоро свергнут? Вернутся те, кто ушел, и накажут за сотрудничество с Лениным и Троцким.

Троцкий в назначенный день не приехал. Появились его помощники по наркомату: меньшевик Евгений Поливанов и большевик Иван Залкинд.

Поливанов, племянник царского военного министра, окончил Санкт-Петербургский университет, причем обучался одновременно на двух факультетах – историко-филологическом и восточных языков. Он слыл полиглотом и действительно говорил на многих языках. Он возглавил в НКВД отдел отношений с Востоком. Но его карьера будет недолгой: скоро выяснится, что он до революции входил в черносотенный Союз русского народа, кроме того, еще сильно пил и вроде бы даже употреблял кокаин и морфий, посещал китайские курильни опиума в Петрограде. В пьяном виде Поливанов упал с платформы под поезд, и ему отрезало руку...

Иван Залкинд, который окончил Сорбонну в Париже и был доктором биологии, с юности примкнул к социал-демократам. Он стал заведовать отделом стран Запада. Залкинд вспоминал позднее, как они с Поливановым объезжали виднейших чиновников Министерства иностранных дел, требуя, чтобы они явились в министерство для «решающих переговоров». Многих им заставить не удалось, кое-кто сказался больным. Один из дипломатов, утверждавший, что он серьезно захворал, залез под одеяло в костюме и ботинках...

На другой день Поливанов и Залкинд приехали в министерство, запасшись на всякий случай ордерами на арест за подписью Урицкого. Это было, собственно, постановление Военно-революционного комитета при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, в котором говорилось:

«Военно-революционный комитет по предложению народного комиссара по иностранным делам постановляет:

Бывшего...

Бывшего...

Бывшего...

Бывшего...

Арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-революционному суду. Всем местным Советам, Военно-революционным комитетам и всем пограничным органам власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления».

Фамилии в это постановление можно было вписать любые. Но этот грозный документ не понадобился. Во всех окнах министерства горел свет, вешалки были переполнены, а на верхнем этаже предстало зрелище, напоминавшее парадный прием: явились не только все званые, но и многие вовсе не званые. Министерство было в полном сборе.

Бывший товарищ (заместитель) министра Александр Петряев представил помощникам Троцкого заведующих департаментами и отделами. Иван Залкинд произнес небольшую речь о служебном долге чиновников, напомнил, что время военное, а функции Министерства иностранных дел таковы, что не терпят – в интересах страны – даже краткого перерыва. Бывшие руководители бывшего министерства пошептались, и Петряев сказал, что их решение остается неизменным: данному правительству они служить не могут, но готовы на компромисс – вести текущие дела, не связанные с политикой: исполнять консульские обязанности, заниматься пленными и так далее.

Посланцы Троцкого пришли к выводу, что это усовершенствованная форма саботажа, при которой чиновники сохранили бы за собой возможность вредить Совнаркому и помогать своим друзьям. Залкинд категорическим тоном произнес, что чиновники министерства могут остаться на работе только в том случае, если они признают революционное правительство.

– Товарищ Троцкий, – громким голосом сказал Поливанов, – сегодня не может быть у вас. Занят неотложными делами в Смольном. Будет завтра с утра. Просит вновь собраться к десяти часам.

На следующий день действительно приехал Троцкий, который внешне до крайности не понравился Владимиру Лопухину:

«Сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительно черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И – непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, созданным народной фантазией».

Многие современники говорили о «дьявольском» и «хищном» выражении лица Троцкого. Другие находили общение с ним интересным и приятным. Видимо, все дело в том, как эти люди относились к Троцкому.

Одет нарком был в потертый сюртук, заношенную рубашку и мятые брюки. Но заговорил он приятным мелодичным голосом и очень вежливо:

– С кем имею честь?.. Я Троцкий.

Он немедленно стал уговаривать Лопухина остаться на своем посту. Директор департамента общих дел наотрез отказывался.

– Что вы имеете против нас? – в упор спросил его Троцкий. – Ответьте конкретно! Вам не нравится, что мы кончаем войну, передаем землю крестьянам, национализируем фабрики и заводы?

Владимир Лопухин покачал головой. Он не хотел ссориться с человеком, чье слово в Петрограде решало все.

– Окончание войны я могу только приветствовать, – ответил Лопухин, – так как для меня очевидно, что армии как боеспособной силы у нас нет. И народ устал от войны. Ее надо кончать... Но не в этом дело! Я служил иным принципам. Если сегодня я им изменю и с завтрашнего дня буду служить другим идеям, вы ни уважения, ни доверия ко мне иметь не сможете. И еще! Простите меня, но, в конце концов, не верится в прочность вашей власти.

– Вот в этом, – воскликнул Троцкий, – вы ошибаетесь. Мы – единственная политическая партия с темпераментом! Нет, власть наша прочная. Давайте решим так. Отложим нашу беседу. Когда вы увидите, что мы не ушли, тогда возвращайтесь.

– А пока, – Лопухин воспользовался хорошим настроением наркома, – отпустите меня с миром. Вы не поверите, как я устал, работая в крайнем напряжении чуть не с начала войны. Надо отдохнуть. Вы должны меня понять. Я убежден, что в вашей политической борьбе и вы основательно утомились.

Нарком только усмехнулся наивности дипломата.

– Я лично, – ответил Троцкий, – успел отдохнуть в тюрьме, откуда только что вышел. Вы свободны. Можете использовать вашу свободу, как хотите. Хотите здесь остаться – оставайтесь. Хотите уехать – уезжайте. Даже за границу можете выехать. Мы вам препятствовать не будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.